

21/02/2019

Как на карте Арктики появился Патриарший остров



Епископ Нарьян-Марский и Мезенский Иаков в интервью, опубликованном в первом номере «Журнала Московской Патриархии» за 2019 год, рассказал о жизни самой северной епархии Русской Православной Церкви.

Пустозерск — не только протопоп Аввакум

— Ваше Преосвященство, на Нарьян-Марскую кафедру Священным Синодом вы избраны семь лет назад, а во иеромонахи рукоположены осенью 2008 года. Быстро ли удалось привыкнуть к новому статусу?

— Епископы — это монахи. Наше служение определяет сугубо монашеское понятие — по-слушание. В определенном смысле, когда принимаешь послушание, отвечаешь на вопрос «быть или не быть». Ответ прост: если можешь — значит, должен. Вообще, в истории Церкви Христовой случаи избрания на кафедру просто монахов (и даже мирян) отнюдь не единичны. Епископское, архиерейское служение — образно говоря, командное

послушание. Правильно относиться к подчиненным меня научила служба в армии. В Вооруженные силы я был призван после Московского университета в звании лейтенанта. Служил в полноценном, то есть некадрированном, полку прикрытия советско-китайской границы. Служба взводным — это понимание сути приказа; это устав жизни и служения, долга и ответственности для тебя и подчиненных; это разумная инициатива и всеобъемлющая ответственность. Это большая жизненная школа. Самое главное, чтобы подчиненные видели в действиях и словах командира не воплощение непреложного «надо», а смысл, за которым абсолютная необходимость.

— Ваше служение в течение нескольких лет проходило в Патриаршей резиденции. В этом году исполнилось 10 лет со дня кончины Патриарха Алексия II. Каким вам запомнился Предстоятель Русской Церкви?

— Это послушание было для нас, монахов Лавры, продолжением иноческой, монастырской жизни. Да оно, собственно, таким и являлось — только протекало в Чистом переулке в самом центре Москвы. Для меня время этого послушания стало еще и творческим. Там, в кабинете дежурного референта, я написал свою кандидатскую работу, а потом еще труды «Толкование на книгу Иова» и «О началах Премудрости». То было поистине счастливое время! Молитвы Патриарха, послушание в самом точном смысле этого слова Святейшему вдохновляли и обязывали всех нас ценить каждый дарованный Господом день.

— В Пустозерске сегодня вы произнесли проникновенную проповедь, обращенную, казалось, ко многим поколениям живших здесь людей...

— В этом году мы будем отмечать 520-летие этого форпоста Русской державы и русского Православия на Крайнем Севере. В Пустозерске первоначально жило немногим более трех сотен человек, которыеозвели для себя три право-славных храма. Это не случайно: устройство Пустозерска — явление духовное, его нельзя рассматривать, игнорируя Православие как духовный стержень развития нашего народа. Прибыв сюда, я поразился: во всех аспектах — культурном, историческом, образовательном, научном — Пустозерск ассоциировался исключительно с именем протопопа Аввакума. Да, это трагическая страница в нашей истории. Но сводить всю пяти вековую «биографию» первого заполярного русского города к принципу отчуждения от Церкви, от державной власти как минимум неверно.

Пустозерск разделил незавидную участь «бесперспективных» населенных

пунктов: в 1970-х го-дах последних его жителей переселили в ближайшую по течению Печоры деревню Устье. До сих пор, несмотря на охранный статус федерального значения, в Преображенском соборе с советских времен располагается коровник. Очень опасная линия — рассказывать туристам о Пустозерске, полностью игнорируя его как символ и началь-ный град Русской Арктики. Фактически это по-вторение политики минувшей эпохи. Искажая настоящую память о Пустозерске с его многовековой и славной историей, развивая его только лишь как «светско-старообрядческий» объект, людей как бы обрекают строить свою северную будущность на песке. Естественно, Церковь ни-когда на это не пойдет, и народ никогда с этим не смирится. Сегодня Пустозерский музей трепетно и самоотверженно ратует за неприкосновенность городища. Но это почему-то никак не отражается на судьбе бывшего собора. Под музейным надзо-ром он так и пребывает в мерзости запустения.

Когда откроется небо

— В здешних краях не было сталинских лагерей?

— Практически нет — за исключением отно-сившегося к СЛОНу участка добычи фосфоритов на острове Вайгач. Однажды зимой заключен-ных Вайгача отправили этапом в Воркуту — и та-ким образом заморозили в пути (в годы Большого террора практиковалась подобная форма уничтожения заключенных, ставших ненужны-ми). Сейчас в нашем Заполярье даже исправи-тельных колоний нет.

Нарьян-Мар возник в 1930-е годы как поселок геологоразведчиков и нефтедобытчиков, доро-волюционной предыстории у него нет. Прежде этот край был самодостаточным, сельское хозяйство прекрасно кормило и ненцев, и русских из северных поморских деревень. Говоря объектив-но, масштабная разработка нефтегазовых место-рождений была использована разработчиками стратегии упразднения «бесперспективных деревень» в собственных узковедомственных интересах. Десятки деревень были объявлены бесперспективными и исчезли с лица земли, но что теперь о том говорить?! Нам надо жить в ны-нешних условиях. А они диктуются гигантски-ми расстояниями и малолюдными деревнями, крошечными приходами, в которых постоянная полноценная работа храма, да просто бытие свя-щеннослужителя, материально невозможны. Возьмем для примера село Кuya — до революции богатейшее, со своим каменным храмом. И что же? От храма остались лишь следы фундамента, их покрыла трава. Камни святых алтарей ушли в землю. Сейчас поставили там с Божией по-мощью часовенку,

в которой по временам слу-жит священник-миссионер. Прихожан у него от силы 30 человек, и то летом, — в основном дачники из Нарьян-Мара.

— Священнослужителей из числа этнических ненцев пока подготовить нереально?

— Почему же, реально, но очень трудно. Это небыстрый процесс. Во-первых, их просто стати-стически мало: всего 7 тысяч человек. Во-вторых, представители этого народа искренни и добро-душны, но десятилетия советского периода ото-звались понятными последствиями. Собствен-но, все это далеко не новость, и сугубая наша задача — просвещение и миссионерство.

— На доске объявлений епархиального управ-ления висит информация о наборе детей в шко-лу юнг. Зачем это вашей епархии?

— Как зачем?! Здесь же Печора! Земли наше-го округа омываются водами трех морей. Школа юнг в Нарьян-Маре в виде яхт-клуба долгое вре-мя благополучно существовала, но не пережи-ла перестроекных времен. Возродить морское воспитание детей — наш долг. Будем обучать ребят морскому делу и практическим навыкам мореплавания, рассказывать об истории Россий-ского флота.

— Помимо Ненецкого автономного округа к вашей епархии относятся два северных рай-она Архангельской области: Мезенский и Лешуконский. Оправдало ли себя на практике такое решение?

— Решение митрополита Архангельского и Холмогорского Даниила о таком делении мит-рополии очень разумно и исторически верно. В конце XIX — начале XX века именно подобный вариант готовился священноначалием, а в ка-честве кафедры новой северной епархии тогда рассматривалась Мезень. Но сейчас в этом на-селенном пункте всего 3,5 тысяч жителей, то есть в 6,5 раза меньше, чем в Нарьян-Маре.

— На сколько церковных округов террито-риально разделена ваша епархия?

— Помимо Ненецкого автономного округа и двух районов Архангельской области в состав епархии входят арктические архипелаги Новая Земля и Земля Франса-Иосифа. Это закрытые территории, где дислоцируются исключитель-но войковые части и гарнизон Центрального полигона Министерства обороны. Храмы там есть. До недавнего времени в них попеременно служил и окормлял личный состав благочинный церквей

Арктического округа — иеромонах Гавриил (Богданов). Но по состоянию его здоровья я был вынужден освободить его от этого послушания. Сейчас кандидатуру священнослужителя для самых высоких арктических широт подбираем вместе с Синодальным отделом по взаимодействию с Вооруженными силами и правоохранительными органами. Центральное благочиние включает в себя Нарьян-Мар и Заполярный район. Всё здесь вращается вокруг Богоявленского кафедрального собора. Тут жизнь по арктическим меркам кипит, служат пятеро клириков (не считая меня) — три священника и два диакона. Два архангельских района — тоже наши округа: Усть-Вашский и Мезенский. И там, и там — по одному священнику, они же — благочинные.

За этот месяц наши клирики завершают третью командировку по отдаленным приходам Заполярья. В зависимости от конкретных условий и задач выезжают, имея с собой всё необходимое для совершения треб. Крестят, венчают, отпевают, служат, исповедуют, благословляют.

— Храмы в отдаленных селах есть?

— Не везде. Причем если по западному маршруту, в сторону Шойны, располагается целый ряд деревень (Ома, Несь, Чижка, Шоя, Нижняя Пеша), то, к примеру, Амдерма — тупиковое направление, куда миссионеру приходится лететь только «туда и обратно». Если повезет с погодой — возвращается по расписанию, а нет — так неделю-другую ждет, пока «откроется небо». Доступные для Нарьян-Мара речные пути коротки — не больше 60 км. Наконец, совершаем еще зимние экспедиции на снегоходах по территории Арктического района. Это поистине экстремальное мероприятие обычно приходится на март, когда уже закончилась полярная ночь, но тундра вся еще под снегом: ночью морозы, днем солнце. Весьма полезны и нужны, кроме того, общие — вместе с чиновниками Заполярного района — странствия в отдаленные селения округа.

«Два капитана»: продолжение следует

— В прошлом году, знаменуя 100-летие восстановления русского Патриаршества, один из островов Новой Земли стал Патриаршим. Расскажите, как это удалось сделать.

— С 2012 года осуществляется патриарший проект «Русская Арктика», в ходе которого я по патриаршему благословению освятил самый северный храм в мире (на погранзаставе Наурское на Земле Франца-Иосифа), Северный Полюс

и Северный морской путь. Этому (еще до моей архиепископской хиротонии), в свою очередь, предшествовал другой патриарший проект — «Самый Дальний Восток России». Он включил в себя пять миссионерских экспедиций на Сахалин, на Курилы, на Камчатку. Дальневосточный проект начался, когда нынешнего главу нашей митрополии — митрополита Архангельского и Холмогорского Даниила (тогда еще архимандрита и моего бывшего соседа по лаврской келье) — мы провожали на его первую архиерейскую кафедру на Сахалин. В тот момент я возглавлял киностудию Троице-Сергиевой лавры и предложил владыке в один из первых его приездов в родные пенаты снять фильм о возрождении Православия на Дальнем Востоке. Владыка дал «добро». Так осуществилась моя первая экспедиция на Сахалин и Курилы — и появился фильм, за которым последовали еще четыре.

Когда впервые в 2010 году на корабле по-границной береговой охраны я шел Северным морским путем, заметил: Крестовых губ и Крестовых мысов во всех российских арктических акваториях множество. Понятно почему: первооткрыватели, наши российские первопроходцы, шли и называли открытые ими новые земли, воздвигая на дотоле неизвестных берегах право-славные кресты. Но эпоха великих географических свершений России пришла на Синодальный период. Потому и «патриарших» топонимов на карте до недавнего времени не было. Восстановление канонического единства Русской Церкви в 1917 году стало явным знамением того, что Господь Свою Церковь не оставляет — и не оставит никогда. Ныне время «собирания камней» — и на карте Русской Арктики появились остров Патриарший и одноименная сопка, где высятся Патриаршие поклонные кресты.

С предложением о переименовании я обратился к руководству 12-го главка Министерства обороны России, в сфере ответственности которого находится ядерный оружейный комплекс. Командование отнеслось к идее весьма позитивно, и безымянный остров на траверзе Белушьей Губы стал Патриаршим. Это стратегическое место: все корабли, идя Северным морским путем и с востока, и с запада, теперь берут пеленг на восьмиметровый поклонный крест.

Двумя сотнями километров севернее, на той же Новой Земле, при содействии Первой горнорудной компании Государственной корпорации «Росатом», ведущей разработку 4 свинцово-цинкового месторождения, поставили Патриарший поклонный крест. Это тоже символ освоения Русского Севера. Ведь только теперь, почти через три века, удается осуществить то, ради чего

в Заполярье царскими указами, собственно, и посылались первопроходцы.

— К сожалению, к 2018 году не уда-лось вернуть первоначальные именования островам Северной Земли, названным при их открытии в честь последнего российского им-ператора. Замечу, кстати, что именно вокруг открытия архипелага Северная Земля враща-ется основная сюжетная линия знаменитого романа Вениамина Каверина «Два капитана»...

— Я говорил об этом на конференции «Благословенный Север» в рамках Рождественских чтений-2018. Идея переименования имеет много сторонников не только в Санкт-Петербурге, ее поддерживают и потомки первооткрывате-ля архипелага Бориса Вилькицкого, чья роль в освоении Арктики бесспорна. Кроме того, кто снарядил экспедицию, кто поддержал ее план? Российский император! Да и потом, нынешние наименования крупнейших островов архипе-лага — Пионер, Комсомольский, Большевик, Крупской, Октябрьской революции — с исторической точки зрения более чем абсурдны.

Вилькицкий полагал, что открытый им архи-пелаг представляет собой один-единственный остров, потому и назвал его в честь императора Николая II. В 2006 году Дума Таймырского (Дол-гано-Ненецкого) автономного округа постано-вила возвратить всему архипелагу дореволюци-онное наименование, а основным его островам присвоить имена остальных царственных муче-ников — государыни императрицы и пятерых августейших детей. Однако после объединения округа с Красноярским краем Законодательное Собрание последнего отказалось поддержать инициативу.

— В универмаге по главной улице Нарьян-Мара, носящей имя Ленина, для бесплатной раздачи лежит газета «Правда». Неподалеку развевается флаг партии, официальным рупо-ром которой выступает это издание. И даже будущий Арктический кафедральный собор заложен на площади, названной в честь осно-вателя советского государства, памятник которому красуется неподалеку...

— Новый собор нам нужен как воздух: по вос-красным и праздничным дням Богоявленский храм переполнен. А где же располагаться кафе-дральному собору, как не в центре? Неужели на задворках?! Место для строительства нам не пре-поднесли на блюдечке с голубой каемочкой. На-стойчиво предлагалась площадка на отшибе — на острове, куда со временем «должны были» протя-нуть мост. Удалось добиться другого варианта — в центре, но под застройку выделили... всего 500 м². И ответ нужно дать... следующим

утром.

Отказаться? Это значит навсегда похоронить саму возможность сооружения как кафедрального собора, так и духовно-просветительского центра. Ночь не спал, и под утро меня осенило: в предоставленную площадь надо вписать сти-лобат, где разместятся все помещения духовно-просветительского центра, а сверху собственно собор. Сплошные «плюсы»: начинаем не откладывая, строим и финансируем поэтапно — что особенно важно в наших условиях, когда все стройматериалы завозятся баржами по Печоре, а строительный сезон — всего четыре месяца. Но история на том не завершилась. В какой-то момент мне стали упорно предлагать ввести за-вершенную часть в эксплуатацию. Зачем? Оказывается, по современному законодательству введенную в эксплуатацию новостройку нельзя достраивать и надстраивать. Разумеется, епархия отказалась от такого «любезного предложения». Сейчас при содействии одной из крупных нефтяных компаний с Божией помощью приступаем к сооружению самого собора, проект которого подготовлен нашими соратниками из московского архитектурного бюро «Архикум».

Наверное, всегда будут люди, которым Церковь мешает жить. Но важно понимать, что в обосновании и в реализации государственной стратегии развития Русской Арктики Церковь, наша епархия занимают особое место. Иван III послал в Заполярье «великую рать» не случайно — на фундаменте, основанном учениками и последователями преподобного Сергия, он созидал Северную Фиваиду. И в первосяятительском слове посетившего в этом году нашу епархию Святейшего Патриарха Кирилла слышится звук именно той, идущей из глубины веков духовной доминанты русского присутствия здесь, на Севере.

Беседовал Дмитрий Анохин

<http://www.patriarchia.ru/db/text/5374538.html>